

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

А. И. СМЕРНИЦКИЙ

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

Понятие «значение слова», несомненно, является одним из важнейших в языкознании. Без уяснения этого понятия не может быть достаточно определенным и понятие слова. Как основной предмет исследования в данной статье выделяется значение как особый момент в структуре слова, отличный, в частности, от внешней, звуковой оболочки слова.

Вопрос о значении слова, принадлежа, с одной стороны, к проблеме слова, с другой стороны, принадлежит к проблеме взаимоотношения между языком и мышлением. Марксистское положение о диалектическом единстве языка и мышления, как и все другие, должно быть не просто «принято» в общем виде: необходимо достижение максимальной ясности и четкости его понимания, действительности этого понимания, т. е. возможности конкретного исследования соответствующих фактов на основе этого положения, а не только умения его интерпретировать *in abstracto*. Изучение вопроса о значении слова является необходимым моментом в достижении такого понимания.

★

Необходимо с самого начала определить хотя бы в общих чертах то, что имеется в виду под «значением слова». Лучше всего сделать это путем исключения того, что к значению слова не относится, т. е. не входит в его состав.

Всякое слово живого языка доступно восприятию органами чувств как некоторый определенный комплекс звуков или, реже, отдельный звук; иначе говоря, как определенный отрезок речевого звучания. Правда, с развитием письменности графическое изображение слова постепенно приобретает все больший вес. Все же оно есть нечто вторичное по отношению к звучанию, к «природной материи» языка. Графическое слово есть лишь изображение звучащего слова живого языка¹. Поэтому под материальной, внешней стороной языка обычно понимается именно его звучание. И это следует признать вполне обоснованным.

Звучание слова, очевидно, не принадлежит к составу его значения; сюда, конечно, не входит и графическое изображение слова. Звучание слова (и, соответственно, графическое его изображение) обычно даже

¹ Здесь идет речь об изображении звучащего слова, а не отдельных его звуков. Конечно, знак 0 в цифре 20 не изображает никаких звуков речи сам по себе, и даже все написание 20 не изображает какого-либо определенного звучания (в русском контексте оно может изображать и «двадцать», и «двадцати», «двадцатью»); но когда это написание реально читается как слово, оно все же читается как звучащее слово.

прямо противопоставляется его значению. Значение слова вместе с тем не есть какая-либо часть звучания или какой-либо момент в нем. Значение и звучание слова — сами по себе два совершенно различных явления, хотя и выступающие в общественно-исторически обусловленной связи друг с другом, при этом в связи, существеннейшей для языка, так как без этой связи язык вообще не мог бы существовать, не мог бы и возникнуть. Ведь язык возник и стал развиваться как средство общения людей, а без некоторой обязательной (обязательной общественно-исторически, а не физически) связи между звуками и значениями он не мог бы выполнять этой основной своей функции, так как звуками тогда ничего не сообщалось бы.

Итак, значение слова во всяком случае не есть его звучание или какой-либо составной элемент этого звучания.

Значение слова не есть и тот предмет, который данным словом обозначается. Когда мы производим, перевозим, покупаем, потребляем те или иные предметы, мы производим, перевозим, покупаем, потребляем не значения соответствующих слов, а нечто другое — самые предметы. Также и когда мы ходим, говорим, смеемся, спим, мы не осуществляем значений определенных глаголов, а производим известные действия, процессы. Об этом можно было бы и не говорить, если бы на практике не наблюдалось довольно часто бессознательное смешение слова и его значения с самим обозначаемым предметом, явлением, процессом¹. Поэтому, может быть, не лишним будет обратить внимание на то, что существуют слова, не обозначающие каких-либо предметов, явлений и пр., хотя и имеющие совершенно определенные значения; ср. *русалка, дождь, кентавр, фавн, небожитель, волшебство, волшебный, сглазить* и пр. Правда, могут сказать, что эти слова обозначают известные психические предметы — те или иные фантастические представления, и эти-то представления или понятия и следует считать предметами — значениями соответствующих слов². Но тогда естественно возникает вопрос: а почему под значением слова *стол* следует понимать самые предметы (стола), а не соответствующие представления или понятие стола? К этому можно прибавить, что и такие слова, как *никто*, вряд ли могут быть безусловно признаны обозначающими какой-либо предмет, если не считать таким предметом понятие об отсутствии какого бы то ни было лица.

Откуда же возникает смешение значения слова и обозначаемого предмета или явления — смешение, к которому, если можно так выразиться, имеется некоторое стихийное тяготение? Источник такого смешения представляется совершенно понятным: значения слов, конечно, обусловлены существованием обозначаемых действительных предметов и явлений, они, вообще говоря, связаны с этими предметами и явлениями. Значения даже таких слов, как *русалка, волшебный* и пр., не могли бы существовать, если бы не было тех или иных материальных предметов и явлений и их более или менее верных или более или менее искаженных отражений в сознании людей.

В основе фантастических представлений — мифологических образов, религиозных воззрений и пр. лежат элементы реальной действительности, абстрагированные от нее сознанием и фантастически скомбинированные им — в их отображениях — в образы, уже не соответствующие

¹ Ср. у И. И. Мещанинова («Члены предложения и части речи», М.—Л., 1945, стр. 255): «...предмет действия... в тесной связи со сказуемым...»

² Следует обратить внимание на то, что когда кто-нибудь говорит: «Русалок не существует», он отрицает не существование соответствующего представления или понятия, а именно предмета, существа, называемого русалкой.

щие в целом никакой действительности. Если бы не было реальных женщин, если бы не было водяных животных (рыб и пр.), если бы, вероятно, к тому же не было снов, иллюзий и галлюцинаций как известных явлений психики, то не был бы создан, на определенном уровне развития общественного познания, и образ русалки. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, — пишет В. И. Ленин, — а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее („стол“ вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*»¹. При этом, однако, то обстоятельство, что элементы фантастического образа являются отображением действительно существующих предметов, явлений и их свойств, придает таким образам (или построениям) характер снимков, слепков с реальности. Вместе с тем и то, что в подавляющем большинстве случаев словам с их значениями действительно соответствуют реальные предметы и явления (хотя бы в ряде случаев и вторичного, психического характера: «мысль», «гнев», «любовь» и пр.), приводит к бессознательной трактовке также и слов с «фантастическими значениями» как слов со «значениями реальными». В общем получается так, что самое наличие слова создает впечатление существования соответствующего предмета или явления. В основе этого лежит естественный, непосредственный и наивный материализм, здоровый в своей сущности, но порою приводящий к заблуждению вследствие своей недialeктичности.

— Итак, значение слова не может быть отождествляемо с обозначаемым предметом или явлением, хотя в подавляющем большинстве случаев оно и связано с таким предметом или явлением и обусловлено им. Случаи фантастических или конструированных значений, которые обусловлены действительностью лишь косвенно и не находят себе прямых соответствий в ней, сравнительно очень редки.

Сказанное не позволяет принять, во всяком случае, без серьезных оговорок, и то довольно распространенное воззрение, согласно которому значение слова есть лишь отношение слова к обозначаемому этим словом предмету или явлению, лишь самая связь слова с обозначаемым куском действительности. Как можно говорить о значениях фантастических или конструированных как об отношениях или связях с определенными кусками действительности, которые якобы обозначаются соответствующими словами, когда специфическим для этих слов как раз и является то, что ими ничто реальное не обозначается? Ведь нельзя же сказать, что такими словами обозначаются те отдельные элементы, синтезированное отражение которых выступает как определенное цельное представление, как целый образ или понятие: слово *русалка* не обозначает ни женщину, ни рыбу — оно вообще не обозначает никакого реального предмета.

Поскольку значение слова не есть его звучание или какая-либо составная часть звучания, постольку значение не определяется как величина, явно, несомненно входящая в состав слова. Поскольку же значение слова не есть сам обозначаемый словом предмет или явление или хотя бы только отношение или связь между словом и таким предметом или явлением, постольку значение слова также не определяется явно и несомненно как величина, не входящая в самый состав слова. Следовательно, оста-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 308.

ется открытым вопрос: где же область значения слова — внутри слова или вне его?

Самый этот вопрос может показаться несколько наивным: слово — не коробочка, не орех или что-либо иное, о чем можно говорить «внутри» или «вне». Конечно, поскольку речь идет о слове, понятия «внутри» и «вне» являются не обычными пространственными и даже не временными понятиями, мыслимыми по образцу пространственных. Тем не менее поставленный вопрос имеет вполне серьезный и не схоластический смысл. Речь идет о том, входит ли значение в самую структуру слова примерно на тех же правах, как и звучание слова, т. е. являются ли и то и другое в равной мере ингредиентами слова, или же слово все-таки только определенное звучание само по себе, а значение есть некоторая особая по отношению к слову величина, которая лишь связана со словом примерно так, как и сам обозначаемый словом предмет (если он существует), т. е. некоторой общественно-исторически обусловленной связью.

Единства и ясности в этом вопросе не существует, хотя и предполагается, что советские языковеды в общем держатся здесь одного и того же мнения. Расхождение выявляется в отдельных высказываниях, иногда и не относящихся непосредственно к данному вопросу. Так, например, если кто-нибудь скажет, что в каждом слове заключено его значение или что значение слова представляет собой связь комплекса звуков с содержанием обозначаемого предмета, явления, понятия, то на первый взгляд такие формулировки могут показаться не только правильными, но и достаточными. При более же тщательном рассмотрении станет ясно, что если значение представляет собой известный ингредиент слова, то такое определение недостаточно. Ведь при таком понимании все слова оказались бы имеющими одно и то же значение, так как самая связь звучания слова с содержанием обозначаемого предмета, явления, понятия, по крайней мере в основном и общем, одна и та же: каждое слово имеет свое особое значение (или свою систему значений) в зависимости от того, с чем связано его звучание, а не от того, что это звучание вообще связано с каким-то «содержанием». Отсюда следует, что значение слова не есть просто наличие связи звукового комплекса с содержанием, но нечто большее, нечто такое, что дифференцируется соответственно тому, с чем имеется связь.

О «содержании» предметов, явлений, понятий часто говорят недифференцированно, называя все три категории явлений «обозначаемыми». Но ведь очевидно, что «содержание» предмета совершенно не то, что содержание понятия, и они не могут одинаковым образом обозначаться. Обозначаемый предмет может и отсутствовать или даже вообще не существовать в действительности, но «обозначение» понятия при отсутствии этого понятия трудно себе представить. Так как понятие есть «мысль о предмете, выделяющая в нем существенные признаки»¹, то оно не может представлять собой просто связь звукового комплекса с содержанием предмета. Если можно думать, что понятие заключено в слове, то совершенно ясно, что какой-либо материальный предмет никак не может быть заключен в слове. Поэтому понятие и такой предмет находятся в совершенно разных отношениях к слову и к значению слова.

*

Если мы признаем, что слова имеют различные значения (по крайней мере как общее правило), то, как уже было замечено выше, значение слова не может быть только самой связью или наличием связи звучания

¹ В. Ф. Асмус, Логика, [М.], 1947, стр. 32.

слова с чем-то вне слова: помимо самой такой связи, значение должно включать в себя нечто, отличающее его от другого значения и позволяющее узнать, с каким именно предметом или явлением связывается данное слово.

Но выше уже было обращено внимание на то, что самый предмет или явление, с которым связывается данное слово, не может составлять значения слова или включаться в значение слова. Следовательно, в значение слова должно включаться нечто, соответствующее обозначаемому предмету или явлению, а не сам этот предмет или явление. —

Что такое это «нечто»? Понятно, что это — известное отражение в сознании того предмета или явления, о котором идет речь, его более или менее верная или неверная копия, некоторый слепок с него. Будет ли это представление или понятие — пока не существенно. Здесь важно отметить то, что вообще известное отображение обозначаемого предмета или явления составляет по крайней мере часть значения слова.

Но ведь мы условно отпавлялись от того распространенного определения значения слова, которое характеризует значение как связь звучания с предметом или как отношение первого к последнему. Теперь же мы видим, что в самом значении слова есть нечто, что по самому существу своей специфики связывает слово, а следовательно и его звучание, с предметом или явлением, и притом связывает именно потому, что оно, это нечто, представляет собой отображение, относительно верную копию соответствующего предмета или явления. Таким образом, то, что оказывается необходимым в составе значения слова как нечто, отличающее связь одного звучания с одним предметом от связи другого звучания с другим предметом, то, что представлялось лишь неизбежным дополнением к составу значения как связи между звучанием и предметом, — само выступает как определенным образом связанное с предметом, явлением, обозначаемым данным словом. Вместе с тем это «нечто» связано и со звучанием слова. А отсюда следует, что связь звучания слова с обозначаемым предметом или явлением осуществляется через это «нечто»: оно, с одной стороны, связано со звучанием слова, с другой же стороны — с самим предметом или явлением как отображение того или другого в сознании. Следовательно, связь между звучанием слова и обозначаемым предметом или явлением, называемая нередко значением слова, оказывается, в сущности, фикцией, основанной на упрощенном понимании действительности. Точнее: связь между звучанием слова и обозначаемым предметом или явлением, конечно, есть, но она не прямая и непосредственная, и ее нет помимо отображения предмета или явления в сознании.

Итак, — не просто связь звучания с обозначаемым предметом или явлением, а связь звучания с отображением предмета или явления. Как видно из сказанного, то, что здесь названо отображением предмета или явления, занимает центральное положение во всей связи между звучанием и обозначаемым предметом: без него эта связь не могла бы установиться, так как она порывалась бы каждый раз при удалении предмета из поля восприятия, и возможности обобщения не было бы, поскольку в опыте не было бы преемственности. Поэтому естественно именно это центральное звено в общей связи между звучанием и обозначаемым предметом или явлением и называть в первую очередь значением слова.

Но если связанное со звучанием отображение предмета или явления в сознании есть значение слова, то очевидно, что значение слова никак нельзя определять как только и просто связь звучания с предметом или как отношение одного к другому. Связь звучания с обозначаемым

мым предметом или явлением осуществляется через отображение этого предмета или явления в сознании, но самое отображение не есть просто связь звучания с предметом, а есть определенное явление сознания, определенная форма познания прежде всего.

Однако, как намечаемое определение значения слова оправдается при его приложении к русалкам, марсианцам и пр.? Здесь, как уже говорилось, нет речи о связи звучания с какими-либо реальными предметами или явлениями. Здесь нет и такого отображения действительности, как в случаях, о которых только что шла речь. Между тем слова *русалка*, *домовой*, *фавн*, *марсианец* и пр. имеют достаточно определенные значения. Следовательно, значение слова есть нечто более широкое, чем отображение предмета или явления в том смысле, в каком это имелось в виду на предыдущих страницах. Под значением слова следует, таким образом, понимать не только отображения предметов и явлений, связанные с определенным звучанием, но и аналогичные по своему структурному характеру, хотя генетически и филологически существенно отличные психические явления, представляющие собой известные конструкции из отображений разнообразных элементов действительности, не существующих в данных комбинациях, т. е. в тех комбинациях, в которых они представлены в этих психических конструкциях. Итак, мы имеем два таких случая:

Первый, основной: звучание — значение — предмет (явление) и пр.

Второй, производный: звучание — значение —

Звучание и значение всегда идут вместе, и без соединения того и другого нет слова, тогда как значение и предмет или явление не находятся вместе во всех случаях, хотя вообще их соединение друг с другом и характеризует основной случай, и самое существование другого, производного случая (без «предметного» звена) обусловлено существованием первого, основного.

Далее, необходимо вспомнить, что и в случае существования предмета или явления, обозначаемого данным словом, такой предмет или явление не обязательно имеется налицо при употреблении слова. Но значение слова должно действительно иметься при его употреблении. Ведь если кто-нибудь сказал русское слово *нос*, то это не значит, что он тем самым сказал и французское *nose* «свадьба». И наоборот, говоря по-французски даже с дурным произношением и произнося французское *nose* как русское *нос*, он все же скажет французское, а не русское слово, если он будет иметь в виду французский язык и значение «свадьба». Если кто-нибудь говорит *три ключа*, то он не употребляет одновременно два омонима: *ключ* — «инструмент для отпирания и запираания» и *ключ* — «родник, источник». По этому поводу необходимо вообще сказать несколько слов о «существовании» и «употреблении» слова.

Слово существует в употреблении. Оно может употребляться чаще или реже, большим или меньшим числом говорящих на данном языке. Если же слово перестает употребляться совсем, то оно умирает, перестает существовать.

Язык — явление общественное. Понятно поэтому, что для того, чтобы слово действительно существовало в языке, употребление слова должно быть общественным. Общественное употребление слова — это прежде всего употребление его в общении, т. е. в реальном, материальном его звучании. Поэтому подлинное существование слова — в звучащей речи. Реальные звуки нельзя считать только своего рода добавленным к слову, существующему в сознании говорящих, только формой воплощения слова, реализацией соответствующего ему «звукопредставления». Реальные, физические звуки — это подлинная, «природная материя языка»,

в которой язык прежде всего и по-настоящему существует; превращение языка Бодуэном де Куртенэ в «языковое мышление» или де Соссюром в существующую «в мозгу» систему знаков, оба элемента которых (смысл и акустический образ) «в равной мере психичны», являются идеалистическим искажением действительности.

Конечно, поскольку мы можем мыслить молча, на базе «внутренней речи»¹, постольку язык в известном смысле существует и без реально звучащих звуков. Но только «в известном смысле»: такое существование языка вторично, оно обусловлено его существованием в общении, где он действительно звучит. Во «внутренней речи» мы имеем, собственно, только отображение «природной материи языка»: не «внешняя», т. е. настоящая, звучащая речь есть форма, в которой «реализуются звукопредставления», соответствующие отдельным словам, а наоборот, «внутренняя речь» есть такая форма, в которой реальные, физические звучания «заменяются» их представлениями, их отображениями в сознании.

Звучание слова — в нормальном, т. е. основном случае, когда язык не осложнен применением дополнительных средств, таких, как письмо, — необходимо для осуществления общения, но оно недостаточно для того, чтобы применение слова действительно осуществилось. Необходимо, чтобы через посредство звучания то, что имелось в сознании одного человека, вошло в сознание другого человека, чтобы мысль одного стала известной другому. Для этого необходимо, чтобы звучание сопровождалось значением, причем оно должно сопровождаться значением и в сознании говорящего, и в сознании слушающего, и значение это должно быть, по крайней мере в основном, для того и другого одним и тем же. Именно в таком случае мы будем иметь дело с основным и полным употреблением слова, а следовательно, и с действительным существованием его.

Если слово действительно существует в языке, то оно достаточно регулярно употребляется в процессе общения. То, что слово кроме того применяется и не в этой функции, — например, когда человек поет один в лесу или в поле, — или применяется, по замыслу говорящего, в этой функции, но неудачно², не меняет существа дела: в общем существование слова в языке оказывается достаточно обеспеченным и несомненным, и отдельные случаи его неполного существования не меняют характера его существования в целом как единицы в системе языка.

В общение посредством языка могут включаться различные осложняющие и развивающие его моменты. Наиболее важным из таких моментов, повидимому, является письмо. Написанное, но не прочтенное слово подобно сказанному, но не услышанному. Однако здесь та существенная разница, что не услышанное слово уже явно не выполнило своей коммуникативной функции: оно в данном случае умерло и может возродиться только в новом случае его применения; написанное же слово, даже если оно и не прочитано, нельзя признать умершим, т. е. явно не

¹ См. П. С. Попов, Учение И. В. Сталина о единстве языка и мышления и задачи логики, «Вестник Моск. ун-та», 1951, № 9, Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 50—52.

² Так, например, слово может быть услышано, но не понято. В таких случаях существование слова не совсем полно, так как слово не выполнило своей основной функции. Может быть и так: сказано одно слово, с одним значением, а понято совсем другое, с другим значением. Очевидно, что в таком случае мы имеем дело с двумя словами: одно выступило со своим реальным, физическим звучанием (связанным с определенным значением), но это звучание не вызвало в сознании слушателя того значения, которое имелось в сознании говорящего; это звучание вызвало в памяти слушателя другое слово, с другим значением. Так, если кто-то сказал *ключ*, имея в виду родник, а другой понял, что речь идет не о роднике, а об инструменте, то в этом недоразумении участвовали два слова, но оба существовали не совсем полно.

сыгравшим коммуникативной роли: оно скорее находится как бы в состоянии анабиоза. Прочтение написанного слова остается принципиально возможным, а его прочтение есть его оживление, и притом не возрождение в новом случае употребления, а продолжение того, что было начато при написании слова. Фонограф и его потомки, радио, звуковое кино и пр. также дополняют существование слова новыми возможностями.

Ко всему этому важно добавить следующее. Значение слова оказывается одинаково связанным и с действительным звучанием слова, и с отображением этого звучания в сознании, и оно является одним и тем же в обоих случаях. Благодаря этому психическое отображение звучания слова в известных случаях может функционально заменять реальное его звучание, и различие между тем и другим имеет поэтому специфический, как бы подвижный характер. В самом деле: нет надобности мыслить вслух. Даже лучше мыслить «про себя», на базе языкового материала, при помощи слов и грамматических построений, но пользуясь ими не в реальном, физическом их звучании, а в их отображениях в сознании. Но внутренняя речь, с ее отображениями звучаний вместо самих звучаний, есть все же явление вторичное по отношению к настоящей, «внешней», звучащей речи. С другой стороны, изобретение письма позволило даже общение посредством языка осуществлять без реального произнесения слов, заменив звуковую материю материей видимой, графической. При всем том не надо забывать, что звучание остается основной «природной материей» языка.

Вместе с тем — на основе одинакового отношения к значению и на основе выполнения отчасти одинаковой роли — звучание слова и представление этого звучания, т. е. его отображение в сознании, связываются друг с другом особо, не так, как другие явления и их отображения. Я могу представить себе, что пью воду, но это представление не утолит жажды; но представив себе звучание слова, не произнося его, я могу удовлетворить свою потребность помыслить, осознать нечто так же хорошо, как если бы я действительно произнес соответствующее слово. Далее: звучание слова производится органами речи, которые приводятся в движение произвольно. Это вносит еще один дополнительный момент в специфику отношений между звучанием слова и представлением этого звучания: звучание начинает восприниматься как нечто производное, как «реализация звукопредставления». Действительно, каждое отдельное произнесение слова является актом, обусловленным наличием в сознании отображения звучания этого слова: нельзя произнести слова, если нет в сознании отпечатка его звучания. Но такое правильное наблюдение превращается в неправильное понимание действительности, если при этом забывается, что «представление» звучания слова возникло на основе действительного воздействия физического звучания на мозг человека и тем самым на его сознание и что без звучания вообще не могло бы развиться общение, обмен мыслями, а вместе с тем и самое сознание, самое мышление.

Итак, основной, первичной является связь значения с реальным звучанием слова, а связь значения с «звуковым образом слова» является уже вторичной — в том смысле, что сам «звуковой образ слова» есть лишь отображение в сознании реального физического звучания слова.

Все изложенное относительно существования и употребления слова должно было дополнительно осветить взаимоотношение между звучанием и значением слова и показать, как связывается с тем и другим звуковой образ слова. Для дальнейшего особенно важно обратить внимание именно на то, что значение слова своей связью с реальным зву-

чанием и с его отображением в сознании создает как бы вторую связь между тем и другим и придает звуковому образу слова, так сказать, больший функциональный вес, чем тот, который обычно свойствен отображению какого-либо явления в сознании. Благодаря этому значение слова оказывается не просто «связанным» с его звучанием (и со звуковым образом), но как бы «внедряющимся» в самую структуру слова.

Рассматривая вопрос о том, принадлежит ли значение слова к составу самого слова или является чем-то внешним по отношению к нему, следует остановиться и на самом характере связи между звучанием и значением. Фактом является то, что эта связь — в принципе условная, произвольная, не определяемая природой самих звуков и характером значения¹. Условность этой связи есть, конечно, условность с точки зрения природы самих явлений, с их физиологической и логико-психологической стороны. Со стороны общественно-исторической в каждый данный момент существования языка эта связь оказывается обусловленной предшествующей историей языка; для каждого поколения в данном обществе связь между звучанием и значением обычно определена тем, что эта связь фактически дана в речи предшествующего поколения.

Вместе с тем условность этой связи в отношении природы самих явлений имеет огромное значение для функционирования и развития языка. Для проблемы отношения слова и его значения принципиальная условность связи между звучанием и значением слова особенно важна, в частности, потому, что эта условность делает данную связь исключительно тесной и непосредственной. Это может показаться парадоксальным, но это так, и вот почему.

Именно вследствие условности рассматриваемой связи нельзя полагаться на то, что нечто в звучании слова укажет нам, с каким значением это звучание связывается в данном языке, и нельзя полагаться на то, что мы найдем в значении слова что-либо такое, что укажет на связанные с этим значением звуки. Поэтому необходимо усвоить звучание вместе со значением как целый комплекс, как нечто неразрывное: ведь стоит только разрушить этот комплекс — и восстановить его окажется невозможным: ни та, ни другая его часть не имеют в себе ничего, что само по себе указывало бы на ее соединение с другой из этих частей. Поэтому-то связь звучания со значением должна усваиваться исключительно прочно и крепко удерживаться в сознании. То же, разумеется, относится и к связи звукового образа слова и значения слова. Таким образом, получается такое соединение звучания и звукового образа слова с его значением, которое вызывает в сознании говорящих впечатление естественности, своего рода аксиоматичности соответствующей связи и которое практически необходимо для беспрепятственного функционирования языка и в виде «внешней» речи в процессе общения, и в виде внутренней речи в процессе «молчаливого» мышления.

Условность связи между звучанием (и, следовательно, звуковым образом) слова и значением слова является некоторым общим принципом, который обнаруживается во всяком языке и без которого невозможно свободное развитие языка. Вместе с тем, однако, существование и развитие языка базируется и на другом принципе — на принципе мотивированности и рациональной оправданности связи между звучанием и значением, и этот принцип не менее важен, чем первый. Язык может

¹ Марровцы объявляли признание этого положения идеалистической «знаковой теорией», не понимая того, что речь здесь идет не об отношении между предметом и понятием о нем — отношении, которое действительно не может быть признано условной и произвольной связью, так как оно основано на отражении предмета в сознании, на «снятии слепок» с него.

существовать и развиваться лишь при условии сочетания обоих этих принципов.

Принцип мотивированности связи между звучанием и значением проявляется не в звукоподражательных и квазизвукоподражательных образованиях. Эти особые частные случаи не заслуживают того, чтобы задерживать на них внимание; о них достаточно писалось. Принцип мотивированности заключается в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений; и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих им звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи мотивируется тем, какие значения выражаются в этом отрезке речи, а выделение в общем, совокупном значении такого отрезка отдельных составляющих его значений мотивируется тем, какие связанные со значением отдельные звучания выделяемы в звучании всего отрезка. Так, например, звучание отрезка речи *в-а-г-о-н-м-е-т-р-о*¹ не представляется лишь условно связанным с определенным значением: то, что это звучание состоит из таких частей, как *в-а-г-о-н* и *м-е-т-р-о*, мотивировано тем, что значение, связанное с этим звучанием, — сложное, заключающее в себе рационально соединенные значения. Вместе с тем сама сложность совокупного значения отрезка и выделение в нем двух составляющих значений представляются обусловленными тем, что в звучании отрезка имеются такие компоненты, как *в-а-г-о-н* и *м-е-т-р-о*. Но на этом мотивированность и кончается: связь между этими компонентами данного звукового отрезка и соответствующими им значениями выступает уже как условная, не мотивированная.

Итак, принцип условности относится к простым, неразложимым единицам; по существу, полностью — к морфемам. В сложных образованиях выступает уже принцип мотивированности — наряду, конечно, с принципом условности, поскольку в сложные образования входят простые единицы. Кроме того, нужно иметь в виду, что возможны различные переходные и смешанные случаи; как условность, так и мотивированность связи звучания и значения может быть лишь относительной. Ср. *пароход*: мотивированность здесь, конечно, есть, но она очень относительна, даже если и отвлечься от условности связи значения и звучания в отдельных компонентах; в самом деле, почему *пароход* не годится, например, для обозначения паровоза, который ведь тоже «ходит паром»? Всякий момент идиоматичности в каком-либо образовании (в словосочетании, в сложном или производном слове, в грамматической форме слова) ограничивает мотивированность его строения и может сводить ее на нет.

Из всего, о чем говорилось выше, следует то, что связь между звучанием (звуковым образом) и значением слова является столь тесной и прочной, столь важной для самого существования и полноценного функционирования слова, что ее никак нельзя рассматривать как связь между чем-то входящим в состав самого слова и чем-то вне его. Если исключить значение из структуры, из состава слова, то внешней делается (по отношению к слову) и та «вторая» связь между реальным звучанием слова и звуковым образом слова, которая идет через значение. Между тем без понимания этой «второй» связи оказывается непонятным и то специфическое, что мы наблюдаем в отношении между реальным звучанием и его психическим отображением — звуковым образом слова. Наконец, принцип условности связи звучания и значения особенно на-

¹ Соединение отдельных букв через дефис показывает, что имеется в виду цепь звуков — в отвлечении от значений.

стоятельно требует неразрывного объединения того и другого в самом составе слова.

Итак, значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании (или аналогичное по своему характеру психическое образование, конструированное из отображений отдельных элементов действительности), входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития. Без материальной звуковой оболочки (которая лишь в определенных случаях может заменяться ее отображением, звуковым образом) воздействие действительности на сознание не могло бы иметь своим результатом то, что мы знаем как значение слова.

В заключение необходимо сделать еще одно замечание. Как известно, в словарном составе различных, вероятно, даже всех языков имеется некоторое число слов, отличающихся от других тем, что они употребляются вне связи с другими словами, будучи непосредственным выражением чувств, волевых побуждений, реакций на какое-либо явление, в частности — на высказывание собеседника, на его предложение или вопрос. Такие слова в большей или меньшей степени носят «междометный» характер и, при некотором расширении понятия «междометие», могут быть названы междометиями. Все относимые сюда слова, естественно, объединяются в один разряд не столько по характеру их содержания, сколько по тому, как это содержание осознается: оно не осмысливается, не анализируется, а непосредственно выражается¹, не будучи, так сказать, пропущенным через мышление. Что же касается самого характера содержания, то здесь существенно только то, чтобы это было какое-либо переживание.

Переживание, выражаемое междометным словом, обычно рассматривается как значение этого слова. Поскольку подобное переживание выражается словом в общем подобно тому, как выражается значение в установленном выше смысле, постольку объединение того и другого под одним термином может быть оправдано. Кроме того, и то и другое так или иначе представляют собой известные явления сознания — в широком смысле слова — и выступают как «внутренняя» сторона слова. Учитывая все это, следует расширить понятие значения слова и подвести под него и то, что выражается междометными словами.

¹ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 745.